

18+ Андрей Макаров

Березовый туман

СТИХИ

Андрей Макаров
Березовый туман. Стихи

«Издательские решения»

Макаров А.

Березовый туман. Стихи / А. Макаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857233-3

Стихи — песнь души, порою грустная, полная раздумий и переживаний, порою веселая, восторженная. И поразительно — как много всего может быть скрыто в нескольких строках. Через, казалось бы, самые простые слова нам открывается невероятная многогранность человеческих чувств. А поэт, будто связующее звено — между внешним миром и нашим миром внутренним.

ISBN 978-5-44-857233-3

© Макаров А.
© Издательские решения

Содержание

«Иду в березовый туман...»	6
Мой милый человек	7
«...И ехать – долго, налегке...»	8
Ах, август...	9
Не утонуть мне в ладоге	11
Я знаю, это будет осень	12
Осеннее	13
«Я жду в ненастье снежных зим...»	14
Ты – яркий свет...	15
Как мне ни быть...	16
«Ничего то теперь не осталось...»	18
«Холод. Холодно все кругом...»	19
«В какой глуши укрыться мне...»	20
«Как мне ни быть, как ни стараться...»	21
«Мечты мои неспешные...»	23
Невыразимость...	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Березовый туман

Стихи

Андрей Макаров

© Андрей Макаров, 2018

ISBN 978-5-4485-7233-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Иду в березовый туман...»

Иду в березовый туман.
В прохладу ветреной свободы.
Под кров качающихся сводов.
В сокоточение белых ран.
Слезой земною плачут ветви,
Морозом сломлены в январь.
Искрит березовый хрусталь,
Пронизан золоченым светом.
Так, небо тянется к земле,
Через живой воды капли.
И перекресты птичьих трелей,
Звонят в весенней синеве.

Мой милый человек

Мой милый человек, мой долгожданный друг,
Роднюсь с тобой, душою истощенной.
Роднюсь с тобой, не только лишь, не вдруг
С тобою, мы давно раскрепощенны.
И нет в безмолвии нашем, дум таких,
Что не могло бы нам в слова простые,
Облечь, не надрывая душ своих,
Чувствительные струны золотые.
Мой милый человек, откуда боль твоя?
Какой судьбе ты улыбнулся слепо?
Или должно быть так же, как и я,
Мечте своей доверился нелепой?
Откуда, мне знаком твой скромный лик?
С каких страниц, ты заглянул мне в душу,
И с ласкою, к щеке моей приник,
Не злобствуя, не требуя, не руша?
Мой милый человек, твое богатство – высь!
Твоя отрада – в нежности касаний,
И в шепоте листвы, и в пении птиц,
В безгрешности, доверчивых признаний.
Мелькая, ты теряешься в толпе,
Твоих следов, не видно на асфальте.
Но по ночам, являешься ко мне,
В простого ситца легком платье.
Мой милый человек, мой одинокий друг,
Во мне, мертва уж горечь об ушедшем.
Но, в пустоте родясь, другой недуг,
Иною жаждой мучит, сумасшедшей.
Сухою пылью, жжет бессонный взгляд.
И душит вдох, бесслезным горьким комом,
И нет путей – вперед, или назад,
И правды нет – ни в знакомом, ни в новом.

«...И ехать – долго, налегке...»

...И ехать – долго, налегке,
Без багажа, без направления.
Оставить по утрам в купе,
Тепло и холод сновиденья.
...Сойти в желтеющий туман,
Вдохнуть забытую прохладу,
И выдохнуть всю боль из ран,
Примяв затылком зелень мяты.
И ноги вымочить росой,
Идя тропой полужареной
И с тихой встретиться рекой,
И лист по ней, рукой продрогшей,
Пустить – как памяти ладью.
И вслед, глядеть ему с улыбкой —
Путь уплывет – о чем скорблю,
В немую глушь по глади зыбкой.
И в каплях, свиснувших с ветвей,
Иссохшей, замершей осины,
Увидеть чудо новых дней —
Вторую жизни половину.

Ах, август...

Ах, Август, мой любимец, ты
Всегда обманом душу лечишь.
Иссушенную плоть листвы,
Будто питаешь- не калечишь.
И слезы льешь, как не по мне,
Пунцовую сгущая влагу.
И взор, в оранжевый рассвет,
Швыряешь мой, как дрожжи в брагу.
И пить, увядших трав настой,
Ты уговариваешь тихо,
Как мужичонка холостой,
Свое оправдывает лихо.
И пью ж..! – под шепоты листвы,
Под взбалмошный клик куличий,
Под жизни, драные холсты —
Один, другого неприличней.
Что жизнь? – как брошенный щенок
Пожрать бы ей чего – и ладно.
Сыскать бы теплый уголок —
И помереть, не так досадно.
Ах, Август, врал ты мне опять.
Опять шутил ты злую шутку.
Ни лето, хочет придержать,
Охотник, целящийся в утку.
Мне, Осень пялится в лицо,
Кривя надменную улыбку.
А ты, красивым подлецом,
Скользнешь сквозь старую калитку.

Листвой простуженной дрожа,
Утонут в крике воробьином,
И оголившись на глазах,
Замрут черемухи картинно.

...Все стихло в кружеве снегов.
Все сине сверху, бело снизу.
В проломе между двух веков,
Болтаюсь, словно под карнизом.
Где мое время? тут, иль там...
Туда – никак! Тут – невозможно!
...Ага, спасители! Так, так...
«Ой, осторожней, осторожней!»
Да денусь, разве ж, я куда!?
О память, лбов не расшибают.
Вот, в настоящем, это – да!

Ломают, еще как ломают!

Исповедаться б так, чтоб не каяться.
В обнаженность коленей уткнувшись,
Мять ладонями легкое платье,
С доверяющих плеч соскользнувшее.
Пятернею запутаться в локонах,
Не иссушенных гидроперитами,
Чтобы чья-то душа, точно коконом,
Окружилась моими молитвами.
И любить бы ее, ненасытную —
Желтым полем, туманом, да радугой.
Не запретную и не закрытую,
Не обманную – волчью ягоду.

Не утонуть мне в ладоге

Давно ль с Тобою виделись,
Недавно ли – что ж, в этом?
Ко мне, Ты не приблизишься,
И я, далек от света.
В какой глуши укрыться мне,
В какой ночи растаять.
Чтоб рук Твоих не знать во сне,
Пьянящего касанья.
Упасть в продроглость Ладоги,
Иль вжаться в грудь Урала,
Убресть суглинком пахоты,
К ильменскому причалу...
И плыть по глади озера,
Ничком, глазами в звезды,
В рыбацкой барке осенью,
От молодости поздней.
Где доброму – недоброе,
Где черный мрамор – вечному,
Там белое оплевано,
Случайностями встречными.
Где правде – пулю нервную,
Где в мякоть сердца – камень,
Там, слов шальными стрелами,
Слепые души ранят.

Не утонуть мне в Ладоге,
Не слечь в хвою Урала.
Очей зелено-каревость,
У всех меня украла.

Я знаю, это будет осень

Я знаю – это будет Осень.
Когда рябина красная горит.
Когда косым дождем сбивает проседь,
Соленую с гранитных плит.
Когда уже не жаль и нет надежды,
И силы нет – ни верить, ни любить,
Когда души последние одежды,
Изношены, то – время уходить...
И будет тихо. Очень, очень тихо,
Над павшею травой под серебром.
И в брежженьи рассвета я утихну,
И просветлюсь, бледнеющим лицом.
Я знаю – это будет Осень.
Но, на дворе пока февраль —
Долюбиваю голые березы,
И синь высокую, и ветреную даль.

Осеннее

Мечты мои неспешные,
Дурманные и глупые,
Как листья полетевшие,
Оборванные, хрупкие —
Обуглились, рассыпались,
Призывами бессильными,
По известковым папертям,
С руками некрасивыми,
Молящими о податях,
В бумажно-медной тленности,
А я, трясусь от холода,
В бесчувственной кромешности.
И грудь окоченелую,
В тряпье худое кутаю —
Надеждами несмелыми,
Лазоревыми утрами.
Все желтое и красное,
В октябрьской метели —
Все мечется и кружится,
В холодном, тихом теле.
Я строю храм березовый,
На жизни утрамбованной,
Безрадостными веснами,
С единственной иконою.
Кому – побед и почестей,
И славы – для веселья.
А мне б – душой не корчиться,
В бессонности постели.
Собрать бы дум гербарии,
И сжечь у теплой печки —
Чтобы грехом не ранили,
Огня душевной свечки.
И выплеснуться чистыми,
Безгрешными, не тайными,
Не скраденными мыслями,
К иконе той хрустальной...

«Я жду в ненастье снежных зим...»

Я жду в ненастье снежных зим,
Весны, бурлящей половодьем.
Туманом тронутых низин.
И шума птичьих карагодов.

Жду тихой ночи торжества,
В чуть слышном шепоте ольховом.
Июньских зорей колдовства,
В эфире желто-бирюзовом.

Восхода жду. Другого дня.
И в ожидании чутком этом,
Я тихо таю без тебя.
Влюбленный в завтрашнее лето.

Я смутно вижу силуэт.
И говорю с тобою в голос.
И, словно чувствую в ответ,
Лица касающийся волос.

Ты, точно майская гроза,
Меня обходишь стороною.
Лишь пыльной, хлещешь по глазам
Волной, удушливо-сухою.

Толь осуждая, толь щадя,
Моим сомненьям потакая,
Ты, бережешь от всех меня.
Сама того не сознавая.

Ты – яркий свет...

Ты – яркий свет в моих потьмах.
Ты – поводырь души смятенной.
Твой легкий след, петляет белым,
В моих чернеющих полях.
И я – охотник неумелый —
Его читаю наугад,
И по нему иду несмело,
И в даль, слепой бросаю взгляд.
Ты – бред любой моей ночи.
Ты – голубая кровь мечтаний.
Я запер, выбросив ключи,
Тяжелый сейф воспоминаний.
Я астроном Твоей души —
В ней – звезд восторженный искатель.
Я скульптор, лепящий в тиши,
Неосвязаемость объятий.
И я зову Тебя, зову!
И этот зов, дрожит меж строчек,
Стихов, родившихся к утру,
И вскрывших смыслы многоточий.
И в них, нашли свой звук слова,
Свободу – быть и не таиться.
В букет душа их собрала,
И в окна птицею стучится.

Как мне ни быть...

Как мне ни быть, как ни стараться,
Пытаясь сбросить опьяненье,
С больной души, что в диком танце,
Все об пол бьет мои колени.
Все застилает очи дымом,
Мечты несбыточной и дерзкой.
И жарким летом холод зимний,
Вдыхает в судорогу сердца.
И сон единый – как предтеча,
Печальным ангелом кружится,
Над головой моей беспечной,
И шепчет мне: Угомонись ты...
Угомонись, передоверься,
Моей посланнической воле.
Тебе, уж боле не согреться,
В ответ подаренной любовью.
Ну что тебя еще заботит?
Кому еще ты хочешь верить?
В какую каторгу ты гонишь,
Души истерзанной отрепья?

...Стою перед Тобою – вечным-
Покинул мир зеленоглазый.
Душа – навтыжку, как свечка,
Уже не прячет пятен грязных.
Уже не буйствует, не ропщет,
Уже не просит, не робеет.
Но лишь сомкнув худые горсти,
Любовь последнюю лелеет.

– Так что же? – отпусти и это.
И пусть летит свободной птицей.
Не забирай ее у Света,
Чтобы другим могла присниться.

И в нерешительности зябкой,
Душа ладони разомкнула,
И там – внизу – в постели жаркой,
Ты от видения очнулась.
Тебе и странно и неловко,
И не найдешь тому причины...
Ночь, словно хитрая воровка,
Уйдет с рассветом желто-синим.

И новый день опять завертит,

Веретено протяжной скуки,
Но знай – всегда тебя поддержат,
Мои невидимые руки.

«Ничего то теперь не осталось...»

Ничего то теперь не осталось,
От прошедшей веселой весны.
Моя глупая, глупая радость,
Превращается в темные сны.
Я наверное жить на умею —
Все себя раздаю по кускам.
В долговые расписки, в «Не верю» —
Превращаются годы – в туман.
У меня пара сносных рубашек,
Пара новых почти башмаков,
И одна – обнаженная – пляшет,
В теплом сердце, больная Любовь.
Пусть безумна танцовщица эта,
Пусть костяшки на пальцах – в кровь!
Ей, не нужно аплодисментов.
Не игра ее танец – зов.
Ей, нельзя прерывать этот танец —
Лихорадочный, глупый, смешной.
Он мне дарит последнюю радость —
Оставаться душою с Тобой.

«Холод. Холодно все кругом...»

Холод. Холодно все кругом.
Холод в воздухе, холод в душах.
Холод над головою кружит,
И на лужи ложится льдом.

В этом мае, уснуть бы мне.
Чтоб надолго – на год, иль на два —
Не застать чтобы листьев наглость,
Изумрудную в синеве.
До поры, схоронить бы радость,
Что кладу ежедневно в гроб,
Прихорашивая без усталости,
И целуя в прохладный лоб.

Рано. Рано Тебя аукаю.
Рано откликов жду Твоих.
Сам, уже переплавленный мукою,
Я любить могу за двоих.

Может быть переждется, развеется
Этот холод, как ранний туман.
И от радости, щеки зардеются.
И с Тобою, мы ступим в храм.

«В какой глуши укрыться мне...»

В какой глуши укрыться мне,
В какой ночи растаять.
Чтоб рук Твоих не знать во сне,
Пьянящего касанья.
Упасть в продроглость Ладоги,
Иль вжаться в грудь Урала,
Убресть суглинком пахоты,
К ильменскому причалу?
И плыть по глади озера,
Ничком, глазами в звезды,
В рыбацкой барке осенью,
От молодости поздней.
Где доброму – недоброе,
Где черный мрамор – вечному,
Там белое оплевано,
Случайностями встречными.
Где правде – пулю нервную,
Где в мякоть сердца – камень,
Там, слов шальными стрелами,
Слепые души ранят.

Не утонуть мне в Ладоге,
Не слечь в хвою Урала.
Очей зелено-каревость,
У всех меня украла.

«Как мне ни быть, как ни стараться...»

Как мне ни быть, как ни стараться,
Пытаясь сбросить опьяненье,
С больной души, что в диком танце,
Все об пол бьет мои колени.
Все застилает очи дымом,
Мечты несбыточной и дерзкой.
И жарким летом холод зимний,
Вдыхает в судорогу сердца.
И сон единый – как предтеча,
Печальным ангелом кружится,
Над головой моей беспечной,
И шепчет мне: Угомонись ты...
Угомонись, передоверься,
Моей посланнической воле.
Тебе, уж боле не согреться,
В ответ подаренной любовью.
Ну что тебя еще заботит?
Кому еще ты хочешь верить?
В какую каторгу ты гонишь,
Души истерзанной отрепья?

...Стою, перед Тобою – вечным-
Покинул мир зеленоглазый.
Душа – навтыжку, как свечка,
Уже не прячет пятен грязных.
Уже не буйствует, не ропщет,
Уже не просит, не робеет.
Но лишь сомкнув худые горсти,
Любовь последнюю лелеет.

– Так что же? – отпусти и это.
И пусть летит свободной птицей.
Не забирай ее у Света,
Чтобы другим могла присниться.

И в нерешительности зябкой,
Душа ладони разомкнула,
И там – внизу – в постели жаркой,
Ты от видения очнулась.
Тебе и странно и неловко,
И не найдешь тому причины...
Ночь, словно хитрая воровка,
Уйдет с рассветом желто-синим.

И новый день опять завертит,

Веретено протяжной скуки,
Но знай – всегда тебя поддержат,
Мои невидимые руки.

«Мечты мои неспешные...»

Мечты мои неспешные,
Дурманные и глупые,
Как листья полетевшие,
Оборванные, хрупкие —
Обуглились, рассыпались,
Призывами бессильными,
По известковым папертям,
С руками некрасивыми-
Молящими о податях-
В бумажно-медной тленности,
А я, трясусь от холода,
В бесчувственной кромешности.
И грудь окоченелую,
В тряпье худое кутаю —
Надеждами несмелыми,
Лазоревыми утрами.
Все желтое и красное,
В октябрьской метели —
Все мечется и кружится,
В холодном, тихом теле.
Я строю храм березовый,
На жизни утрамбованной,
Безрадостными веснами,
С единственной иконою.
Кому – побед и почестей,
И славы – для веселья.
А мне б, душой не корчиться,
В бессонности постели.
Собрать бы дум гербарии,
И сжечь у теплой печки —
Чтобы грехом не ранили,
Огня душевной свечки.
И выплеснуться чистыми,
Безгрешными, не тайными,
Не скраденными мыслями,
К иконе той хрустальной.

Невыразимость...

Невыразимость – вот, что хуже.
И тем надрывнее запрет,
Чем громче, хрип души простуженной,
И сердце, бьющееся в «Нет».
Я этих «Нет» вбиваю колья,
Тащу из леса жития —
Еще смолою обживленные —
Отгородить себя от «Я».
И словно счет, цежу сквозь зубы:
«Нельзя, нельзя, нельзя, нельзя...»
А взбунтовавшиеся губы,
Сухие, повторяют: «Да!».
Уже почти расчеловечен,
Весь переделен на долги,
Своею прошлую беспечностью,
До звонкой гробовой доски.
Уже я шаркаю по вечности.
По перволедью – наугад.
Успеется ли – встретится,
С кем утонуть, я буду рад?
Сороки! Пролетайте мимо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.